

Г. В. Ф. Гегель

**Курс эстетики или наука
изящного**

Часть 3. Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г27

Г27 **Гегель Г.**
Курс эстетики или наука изящного: Часть 3. Том 3 / Г. В. Ф. Гегель – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 348 с.

ISBN 978-5-458-42233-8

Поэзия лирическая, драматическая. Критический разбор эстетики Гегеля.

ISBN 978-5-458-42233-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Система частныхъ искусствъ.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

II. Лирическая поэзія.

Скульптура и живопись представляютъ нашимъ глазамъ предметы въ ихъ видимой дѣйствительности. Но такъ бываетъ въ поэзіи; она только вызываетъ образы въ нашемъ духѣ и возбуждаетъ чувствованія въ душѣ. Въ этомъ отношеніи уже въ ней преобладаетъ *субъективная сторона*, даже въ такихъ твореніяхъ, въ которыхъ она сообщаетъ своимъ картинамъ наиболее ощущимыя истины. Притомъ, ея созданія гораздо ближе къ духу, нежели творенія живописи. Впрочемъ, если эпическая поэзія излагаетъ сюжетъ въ существенной общности его, или по способу, близкому къ процессамъ скульптуры и живописи, все же поэтъ, на высшей степени своего искусства, изглаживается предъ событіями, которыя, кажется, выходятъ сами изъ себя. Чтобы избѣ-

жать этого стремленія, влекущаго во внѣшность, надобно, чтобы душа относилась къ себѣ самой совокупности предметовъ и внѣшнихъ обстоятельствъ и проникала бы ихъ самою глубокою своею мыслию. Съ другой стороны, сосредоточиваясь въ себѣ, она должна дать доступъ своимъ впечатлѣніямъ, открыть глаза и уши и, не заключааясь въ какое нибудь безмолвное чувство, дать просторъ воображенію, голосъ и языкъ мыслямъ и чувствамъ, которыми она наполнена. А такъ какъ этотъ родъ выраженія исключенъ изъ эпического разсказа, гдѣ лица и событія одни должны занимать сцену, то эта *субъективная* форма поэзіи тѣмъ больше имѣетъ права развиваться въ какомъ нибудь особенномъ кругѣ, независащемъ отъ епопеи. Тогда, въ самомъ дѣлѣ, духъ, отрѣшаясь отъ предметовъ, обращается самъ на себя, въ свое собственное сознаніе и удовлетворяетъ потребности представлять себѣ не внѣшную дѣйствительность, но свои собственные чувства, размышленія, впечатлѣнія, однимъ словомъ, основанія своей мысли и движенія своей внутренней жизни. Съ другой стороны, чтобы это открытіе души не смѣшивалось съ случайнымъ выраженіемъ обыкновенныхъ чувствъ, а принимало форму поэтической мысли, необходимо, чтобы идеи и впечатлѣнія, описываемыя поэтомъ, хотя и личные ему, сохраняли общую значимость; чтобы они были истинными чувствами человѣческой природы, для которыхъ поэзія живымъ образомъ творитъ выраженіе, также истинное.

Въ тоже время, если простое выраженіе печали и радости облегчаетъ сердце, то изліянія лирической поэзіи могутъ оказать подобную услугу. Только она не ограничивается употребленіемъ этого обыкновеннаго средства; назначеніе ея гораздо выше, именно, освободить духъ, не отъ чувства его подавляющаго, но освободить его въ самой сферѣ чувства. Въ самомъ

дѣлѣ, слѣпое господство чувства состоитъ въ томъ, что душа вся тождествуется съ нимъ, до той степени, что не можетъ отъ него оторваться, не можетъ созерцать себя и выражать сама себя. А поэзія по всей справедливости освобождаетъ душу отъ этого стѣсненія, представляя ей собственный ея образъ. Но недовольно для ней отторгнуть его отъ своего предмета и держать въ отдаленіи; она въ тоже время изъ каждаго случайнаго чувства дѣлаетъ очищенный и идеализированный предметъ, въ которомъ освободившаяся душа свободно возвращается сама въ себя, въ тихое сознаніе своего положенія и опять находитъ себя у себя. Но это достоинство, освобождающее поэзію, не можетъ простирается такъ далеко, какъ въ драматическомъ представленіи, гдѣ чувство и страсть выставляются на сцену, потому что душа находитъ себя въ своей дѣйствительной сущности не иначе, какъ въ дѣйствиіи. Способъ, которымъ душа объектируется и созерцаетъ, есть какой-то *внутренній* характеръ. Равнымъ образомъ, когда мы говоримъ, что она выходитъ изъ себя и освобождается отъ себя, это значить только, что она освобождается отъ непосредственнаго сосредоточенія, въ которомъ она находится и безъ мысли и безъ слова. Теперь, она открывается выраженію самой себя, что она доселѣ только испытывала; теперь она понимаетъ это и выражаетъ въ формѣ мысли и образовъ, которыя сознаетъ.

Вотъ вообще сфера и занятіе лирической поэзіи и существенные пункты, отличающіе ее отъ эпической и драматической поэзіи.

Теперь, если мы хотимъ глубже изучить то, что касается раздѣленія этого новаго рода, то можемъ поступать также, какъ въ эпической поэзіи.

Сначала мы спросимъ: какой *общій* характеръ лирической поэзіи?

Во вторыхъ, изслѣдуемъ частные пункты, которые надобно разсмотрѣть въ отношеніи лирическаго поэта, лирической поэмы и ея различныхъ видовъ.

Въ третьихъ, предложимъ нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи этого рода поэзіи.

Вообще, я все изложу кратко по двумъ причинамъ: потому, чтобы оставить довольно мѣста для драматической поэзіи и потому, что я долженъ ограничиться общими взглядами. Здѣсь, если хотять войти въ подробности, то впадаютъ во множество частныхъ, больше нежели въ епопеѣ; притомъ, мы впали бы въ историческую область, что совсѣмъ не наше дѣло.

I. Общий характеръ лирической поэзіи.

Поэзія эпическая рождается отъ удовольствія, которое мы испытываемъ, слушая рассказъ о какомъ нибудь дѣйствіи, которое, будучи намъ чуждо, разворачивается передъ нашими глазами и образуетъ въ своемъ теченіи полное цѣлое. Лирическая поэзія удовлетворяетъ совсѣмъ другую потребность, именно: потребность выражать то, что мы чувствуемъ, потребность созерцать себя въ обнаруженіи нашихъ чувствъ. Такое изліяніе можетъ быть разсматриваемо 1. по основанію или по идеямъ, свойственнымъ этому роду поэзіи; 2. по формѣ, дающей выраженію этихъ идей лирической характеръ, 3. по степенямъ мысли и умственного образованія самаго поэта, выражающаго свои чувства и свои понятія.

I.

Основаніемъ лирическаго творенія не можетъ быть развитіе какого нибудь дѣйствія, въ которомъ отра-

жається цілий міръ въ богатствѣ своихъ проявленій, но душа человѣка; еще болѣе, человѣка, какъ недѣлимаго, поставленнаго въ отдѣльныхъ положеніяхъ съ своими личными сужденіями, радостями, печалами, удивленіємъ и проч. вообще совсѣми чувствами, которыя онъ способенъ испытывать. По причинѣ этого характера частности и недѣлимости, составляющаго сущность лирической поэзіи, предметы могутъ представлять наибольшее многообразіе и воспроизводить національную жизнь во всѣхъ ея видахъ. Только здѣсь есть существенная разность: именно, если епопея излагаєть въ одномъ и томъ же произведеніи весь духъ народа съ его дѣйствіями и различными положеніями, то, болѣе ограниченный предметъ лирической поэмы беретъ какую нибудь частную сторону или по крайней мѣрѣ не можетъ достигать до обширности и до развитія епопеи. Слѣдовательно, лирическая поэзія какого нибудь народа, рассматриваемая въ своей совокупности, можетъ простираться на всю совокупность идей и національныхъ интересовъ; но этого не можетъ сдѣлать лирическая поэма. Лирическая поэзія не можетъ представить намъ поэтическихъ преданія, какія мы находимъ въ эпической поэзіи. Но въ замѣнъ того, ей удѣлено преимущество: рождаться почти во всей эпохѣ національнаго развитія; между тѣмъ какъ епопея собственно остается привязанною къ первоначальнымъ эпохамъ, а въ позднѣйшія времена достигаетъ только ученой формы, менѣе богатой и болѣе прозаической.

Въ этихъ границахъ представляется сначала *общее* въ себѣ т. е. самое высокое и самое глубокое въ вѣрованіяхъ, въ воображеніи и въ познаніяхъ какого нибудь народа; существенное основаніе религіи, искусство, самыя ученые мысли, на сколько они прилагаются къ формамъ воображенія и воззрѣнія и насколько онѣ проникають въ область чувства. И такъ, общее понятіе,

способъ олицетворять міръ, глубокіе виды на всемірное отношеніе жизни неизключены изъ лирической поэзіи и большая часть предметовъ, указанныхъ вмѣстѣ съ несовершенными видами епопеи также приличествуютъ этому новому роду.

Къ сферѣ общаго прилагается во вторыхъ, сторона *частности*: эта сторона въ самомъ дѣлѣ можетъ сочетаться съ существенными истинами, когда какое нибудь частное положеніе, чувство, отдѣльная мысль понята въ своей глубокой сущности и въ тоже время выражены существеннымъ и истиннымъ образомъ. Прекрасный примѣръ тому находимъ у Шиллера, не только въ его лирической поэзіи собственно, но и въ его балладахъ. Довольно вспомнить величественное описаніе хора *Евменидъ* въ *Журавляхъ Ивика*. Этотъ отрывокъ ни эпическій, ни драматическій, но лирический. Съ другой стороны, сочетаніе можетъ совершиться такъ, что множество частныхъ очерковъ, положеній, побужденій и случаевъ присоединяются какъ примѣры, которые утверждаютъ мнѣніе и правила и смѣшиваются живымъ образомъ съ общими истинами. Этотъ образъ сочетанія часто употребляется въ *элегіи*, въ *посланіи*, въ сочиненіяхъ, заключающихъ общее сужденіе о предметахъ жизни, о ходѣ вселенной.

Наконецъ, такъ какъ лирическая поэзія должна выражать личное чувство, то для нее достаточны предметы, самые маловажные. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь идетъ дѣло о чувствѣ собственно, о расположеніяхъ души, а не о предметѣ собственно. Самое бѣглое впечатлѣніе, вопль сердца. быстрый порывъ радости, оттѣнки, печали, смятенія души и меланхолія—однимъ словомъ, всѣ постепенности чувства, въ его самыхъ быстрыхъ движеніяхъ и разнообразныхъ случаяхъ, утверждаются, увѣковѣчиваются впечатлѣніемъ.

Въ области поэзіи мы находимъ то, что сказано было

выше, по отношенію къ живописи мелочной (*du genre*) (2 ч.). Основаніе, сюжетъ тамъ совершенно случайны; важны только понятія и выраженія. Предметъ, въ лирической поэзіи, въ частности можетъ состоять или въ нѣжномъ благоуханіи, исходящемъ изъ души или въ новостяхъ и оригинальности идей, въ изумительныхъ оборотахъ мысли, въ огнѣ рѣзкихъ словъ и остроумныхъ выраженій.

II.

Что касается *формы*, посредствомъ которой такое основаніе дѣлается созданіемъ лирическаго искусства, то здѣсь центръ составляетъ недѣлимое съ своимъ воображеніемъ и съ своею чувствительностію. Цѣлое изходитъ изъ сердца и души поэта; еще болѣе, все зависитъ отъ его расположенія и частныхъ его обстоятельствъ. Равнымъ образомъ, единство цѣлаго и связь частей не составляютъ результата самой природы сюжета, развиваясь изъ него въ преемственныхъ сторонахъ какого нибудь полнаго событія. Узелъ и подпора есть внутренняя мысль самаго поэта. Но тогда, самъ поэтъ долженъ имѣть богатое воображеніе, чувствительность, величіе, глубину въ мысляхъ, а главное, долженъ быть свободенъ и независимъ. Душа его должна являться какъ полный внутренній міръ, не знающая потребностей и прозаическаго рабства.—Потому лирическая поэма представляетъ единство, нисколько не похожее на единство епопеи. Въ самомъ дѣлѣ, душа поэта, дѣйствующая сама собою, вся поглощенная какимъ нибудь чувствомъ или какою нибудь мыслию, отражается во внѣшнемъ мірѣ, рисуется въ немъ, описывается въ немъ себя или привязывается къ какому нибудь частному предмету; и въ этомъ, совершенно лич-

номъ интересъ, приобретаеть право начинать и оканчивать тамъ, гдѣ ей угодно. У Горация напр. вы часто находите конецъ, когда по обыкновенному ходу вещей кажется, что поэтъ едва началъ. Идетъ ли дѣло о какомъ нибудь предпріятіи, онъ изобразить только свои чувствованія, распоряженія, приготовленія, а ничего не скажетъ о результатѣ или объ успѣхѣ. Также, характеръ выраженнаго чувствованія, частное состояніе души, степень и ея живость, волненія, порывы, восторги, тревоги, страсти или спокойствіе мысли и созерцанія даютъ множество различныхъ правилъ для внутренняго хода и сцѣпленія идей. И для всѣхъ этихъ пунктовъ не много можно найти общихъ началъ и постоянныхъ правилъ по причинѣ такихъ перемѣнъ и измѣненій. Я представляю слѣдующіе взгляды какъ главные отличія.

1. Какъ въ епопее многіе виды приближаются къ лирическому тону, такъ и лирическая поэзія можетъ брать для сюжета и для формы какое нибудь событіе, эпическое по основанію и по внѣшнему характеру. Сюда помѣщаются, напримѣръ, *героическія пѣсни, романсы, баллады*. Форма цѣлаго въ этихъ видахъ есть форма *разсказа*; потому что здѣсь разсказывается начало и ходъ какого нибудь положенія и какого нибудь событія, какой нибудь перемѣны въ судьбѣ націи. Но съ другой стороны, основной тонъ остается вполнѣ лирическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, главное, здѣсь—не описаніе и живопись событія, но способъ пониманія, веселое или меланхолическое чувство, мужество или уныніе. При томъ, эффектъ, для котораго составлено подобное произведеніе, вполнѣ принадлежитъ лирическому роду. Поэтъ имѣетъ цѣлію произвести въ душѣ слушателя такое же расположеніе; если событіе способно возбудить его, а способъ разсказа не можетъ, то онъ выражаетъ свое сожалѣніе, печаль, свою радость, пламенный свой патріотизмъ и проч. такъ, что существенный пунктъ

составляет здѣсь не фактъ, а расположеніе души, отражающееся въ немъ. Равно, для изображенія ихъ и живаго описанія онъ выбираетъ только такія черты, которыя согласны съ его впечатлѣніями и которыя по живости выраженія наиболѣе способны возбудить въ душѣ слушателя тѣже чувства. И такъ, если сюжетъ есть эпическій, то способъ изложенія его есть лирическій.

Что касается подробностей, къ этому кругу принадлежать:

1. *Эпиграмма*, не простая надпись, говорящая коротко и объективно, что значить предметъ, но прибавляющая выраженіе какого нибудь чувства, что даетъ ей внутренній и личный характеръ. Здѣсь поэтъ не изглаживается предъ своимъ сюжетомъ, но самъ имѣетъ силу, самъ выражаетъ свои желанія, сыплетъ шутки, неожиданныя остроты и сближенія. Въ *греческой Антологіи* мы находимъ много подобныхъ эпиграммъ. Въ нихъ господствуетъ умъ и незаметно эпического тона. Въ новѣйшее время встрѣчаемъ нѣчто подобное у Французовъ въ ѣдкихъ *куплетахъ* водевилей и у Ньмцевъ въ сатирическихъ стихахъ, ксеніяхъ и проч. Самыя эпиграфы по выражаемому чувству могутъ представлять этотъ лирическій характеръ.

2. Лирическая поэзія развивается также въ *описательныхъ разсказахъ*. Довольно указать на романсъ, какъ на самую первую и простую форму. Отдѣляя различныя сцены какого нибудь событія она изображаетъ каждую, собственно для себя, быстро и коротко, вездѣ примѣшивая отличнымъ образомъ чувство къ описанію. Это чистое и твердое понятіе характеристической стороны какого нибудь положенія, вмѣстѣ съ талаптомъ живо выставить его, не смотря на глубокое участіе чувствительности, является въ частности у Испанцевъ въ благородномъ видѣ; что доставляетъ большой эффектъ ихъ романсамъ, въ видѣ разсказовъ. На эти лирическія

картины проливается какой-то внутренній свѣтъ, болѣе отъ точнаго взгляда, нежели отъ глубины сосредоточеннаго чувства.

3. *Баллады* обнимаютъ, напротивъ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ нежели эпическая поэма, цѣлость какого нибудь событія, котораго образъ онѣ рисуютъ самыми рѣзкими чертами и неболѣе того. Въ тоже время онѣ вполне показываютъ глубину чувствованія, хотя сосредоточеннымъ, внутреннимъ образомъ. Къ разсказу примѣшивается саптиментальный тонъ жалобы, меланхоліи, печали или радости и проч. У Англичанъ было въ особенности много такихъ стихотвореній въ первую эпоху ихъ поэзіи. Вообще, ихъ народная поэзія любила подобные разсказы печальныхъ исторій, трагическихъ столкновеній. Тонъ ихъ есть тонъ меланхолическаго чувства, которое сжимаетъ сердце и заглушаетъ голосъ. Въ новѣйшее время пріобрѣли истинное первенство въ этомъ родѣ *Бюргеръ*, а потомъ въ особенности *Гете* и *Шиллеръ*. Бюргеръ, по своей вѣрной наивности; Гете душою, которая лирически проникаетъ всѣ его картины не смотря на совершенную ясность, царствующую въ нихъ; Шиллеръ возвышенностію и грандіозностію своей мысли, способностію выражать глубокія идеи въ стилѣ совершенно лирическомъ, въ формѣ событій, которыя онѣ представляетъ такъ хорошо, что увлекаетъ душу слушателя въ такое же лирическое движеніе.

II. Но личный элементъ лирической поэзіи яснѣе открывается, когда поэтъ имѣетъ передъ собою какое нибудь дѣйствительное обстоятельство, или положеніе и находитъ случай развить собственную мысль. Это встрѣчается въ такъ называемыхъ *случайныхъ стихотвореніяхъ*. Такъ напр. *Каллинусъ* и *Тиртей* писали свои военные елегіи для дѣйствительныхъ обстоятельствъ. Они вдохновлялись этимъ положеніемъ и сообщали свой энтузіазмъ народу. Впрочемъ, ихъ собственная недѣ-